

авторами. В этих условиях Ковальченко показал себя действительно крупным, ярким, терпимым, широким учёным и человеком. Он возглавил этот процесс. Для меня это было поразительно и удивительно. Занимая должность заместителя директора, я не раз приходил к нему за советом. И это всегда были спокойные, мудрые, совершенно научные рекомендации.

На рубеже 1990-х гг. в зале на 400 мест в гостинице «Узкое» проходили международные конференции, собиравшие весь цвет тогдашней мировой науки. В них участвовали учёные из Стэнфорда, Беркли, Гарварда, Мичиганского университета, Лондонской школы экономики, Сорбонны. Ковальченко возглавлял эти конференции, предоставлял через АН СССР необходимые средства, принимал зарубежных гостей, беседовал с ними, присутствовал на заключительных застольях. Человек старого мышления, старой системы взглядов по существу руководил процессом, открывавшим для исторической науки новые горизонты.

На одной из первых научных конференций, посвящённых проблемам истории национальных отношений, появился профессор Университета им. Бен Гуриона Шимон Редлих, обратившийся ко мне с просьбой прислать ему приглашение. Дипломатических отношений между Израилем и Советским Союзом тогда не существовало. Я пришёл к Ковальченко с этим письмом, и он сказал: «Приглашай». Я написал Редлиху, который, используя швейцарскую визу, приехал в СССР. Так впервые израильский исследователь выступил с докладом на нашей конференции. В дальнейшем Редлих продолжал с нами активно сотрудничать.

В то же время И.Д. Ковальченко был очень аккуратен и осторожен. Когда к нам приезжала Кондолиза Райс, возглавлявшая один из американских фондов, и выразила желание познакомиться с академиком-секретарём Отделения истории, Ковальченко отказался встречаться, выразив своё отношение короткой репликой: «Да ну её».

Бесспорно, среди людей, которые в 1990-е гг. содействовали повороту нашей науки, сделали её более объективной, терпимой, поистине международной, роль И.Д. Ковальченко — учёного, человека, гражданина, отнюдь не политика — была очень велика и заслуживает самой высокой оценки нашим профессиональным сообществом.

Маргарита Вандалковская: Во главе научного совета

Margarita Vandalkovskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): At the head of the scientific council

Конечно, у всех своя память об И.Д. Ковальченко. Мои воспоминания связаны с нашей совместной работой в Научном совете по истории исторической науки и с тем, как он выступал оппонентом на защите моей докторской диссертации. Научный совет по истории исторической науки был создан в 1950-х гг. по инициативе академиков В.П. Волгина, М.Н. Тихомирова и М.В. Нечкиной, которая руководила им до своего ухода из жизни в 1985 г. В последние пять лет Ковальченко был её первым заместителем, а затем возглавил совет и работал в нём вплоть до кончины в 1995 г.

Совет был призван координировать проводившиеся в стране историографические исследования, содействовать изучению и преподаванию историогра-

фии в высшей школе, а также осмыслению её теоретико-методологических основ в разные периоды прошлого в различных отечественных и зарубежных центрах. Совет устраивал союзные и региональные конференции, пленумы, «историографические среды» (которые назывались лабораторией исследования), осуществлял публикаторскую деятельность, выпуская с 1965 г. ежегодник «История и историки».

Возглавив совет, Ковальченко расширил сферу его деятельности. Теперь он назывался Научным советом по историографии и источниковедению. Это объяснялось необходимостью изучать расширение источниковой базы исторической науки и его влияние на концепции учёных, личный вклад которых в значительной степени определялся выявлением новых материалов. К работе совета подключилась значительная группа источниковедов.

Изменился и состав «малого бюро». По словам Ковальченко, регулирование деятельности совета требовало ответственности и надёжности. Поэтому он решил: «Будем работать втроём: Андрей Николаевич Сахаров, Вы и я». Для меня это оказалось ценной и познавательной школой: Иван Дмитриевич делился своим организаторским опытом, умением общаться с учёными и преподавателями. Он поощрял наши индивидуальные встречи с ними, что, несомненно, способствовало более тесному привлечению историков к работе совета.

В 1992 г. под руководством И.Д. Ковальченко при участии многих исследователей, приславших свои предложения, была составлена комплексная программа, направленная на освобождение науки от политизации и тенденциозности в освещении событий прошлого. В ней также намечался пересмотр критериев оценки как целых историографических направлений, так и творчества отдельных дореволюционных и современных историков.

Такие положения программы, как повышение профессионализма, усиление аналитического характера научных работ, избавление от описательности исследований и рецензий, актуальны и в настоящее время. Особое внимание Ковальченко уделял обращению к методам дедукции, ретроспективы, гипотезы, ассоциации, исторической психологии. При этом Иван Дмитриевич отдавал очевидное предпочтение анализу историографических этапов и направлений, полагая, что проблемная историография не даёт материала для выявления закономерностей развития исторической науки. Вместе с тем, понимая, что научное знание накапливается не в вакууме, он признавал необходимость изучать воздействие на него самосознания и эмоционального состояния общества, идеологических течений и проч.

На пленуме совета в 1987 г. Иван Дмитриевич размышлял об объективных и субъективных причинах, осложняющих развитие историографии. К ним он относил технократизм чиновничества, недооценку значения общественно-гуманитарных дисциплин, а также недостаточно высокий уровень профессионализма исследователей, слабо владеющих методологией своей науки.

Работа с Ковальченко доставляла большое удовольствие. Он доверял своим сотрудникам, был требователен, но не высокомерен, никогда не читал нотаций и умел прислушиваться к мнению собеседника. Обладая талантом общения с людьми, Иван Дмитриевич создавал вокруг себя особую нравственную атмосферу.